

Виктор БОРИСОВ

ТРОФЕЙНАЯ ЁЛКА

80-летию Сталинградской битвы посвящаю

Белым саваном снег покрыл мешанину смерзшихся, обугленных бревен от сожженных домов. Печные трубы, покрытые инеем, торчали как скорбныеobeliski по человеческому теплу. Молчаливые и мрачные развалины каменных зданий с зияющими провалами оконных проемов выглядели устрашающе, но в то же время и спасительно. Передвигаться по городу можно, только держась ближе к остаткам стен, и короткими рывками перебежать улицу или открытое пространство. Люди общались знаками. Вслушиваясь в голоса войны, они пытались предугадать опасность. То тут, то там визжали рикошетающие пули, слышен был артиллерийский выстрел, потом свист снаряда высоко над головами, а затем где-то раздавался взрыв, нервно стрекотала автоматная очередь, хлопки минометных выстрелов сливались с взрывами мин, доносился лязг гусениц

и вой танковых моторов. Это был Сталинград в последние предновогодние дни 1942 года.

Лейтенант Владимир Серёгин вел на огневой рубеж группу автоматчиков из восьми бойцов своего взвода. Задача, поставленная перед ним, – уничтожить пулеметные гнезда немцев. Лейтенант договорился с ротным снайпером, под личную ответственность, приспособить к противотанковому ружью «цейсовский» оптический прицел и испробовать его в деле. К такому рационализаторскому предложению снайпер Шаргаев отнесся скептически, но все же помог приделать прицел к ПТРС.

– Дай мне сорок бойцов, – не суетясь, колдуя над ружьем, рассуждал охотник-бурят, – однако из них лишь один снайпер научить можно. У тебя, Володя, талант, ты порядок знаешь. Но из этой затеи, думаю, ничего не получится. Про Зайцева такое говорят напрасно.

***Виктор Авенирович БОРИСОВ** родился в 1953 году в семье сельского учителя. Окончил Костромской педагогический институт, художественно-графический факультет. Преподавал в художественных училищах и вузе. Участник нескольких семинаров молодых писателей. Председатель Вологодского Союза писателей-краеведов. Публиковался в периодической печати, литературно-художественных журналах, нескольких сборниках прозы. Победитель Международного конкурса, посвященного 70-летию Победы. Дипломант Международного литературного конкурса для детей и юношества имени П.П. Ершова. Награжден медалями имени Н.М. Рубцова, В.М. Шукшина.*

Живет в Вологде.

У него хорошая винтовка СВТ-40 есть, зачем ему ПТРка. А тебе оно зачем?

– Да хотя бы пулеметы из строя вывести, патроны все же броневой-зажигательные. А чтобы самого пулемётчика снять, так это для вас – для снайперов, для таких, как Зайцев Василий.

Потом, как смогли, они пристреляли ружье с оптическим прицелом. Владимир внимательно выслушал рекомендации снайпера и, уверенный в своей правоте, выдвинулся для выполнения задания.

Шла так называемая «крысиная война» – наибольшую опасность представляли замаскированные немецкие снайперы. Каждый пройденный метр сопряжен с риском для жизни. Взвод, не рискуя понапрасну, избегая открытых пространств, быстро продвигался к нашим окопам. Пришли точно ко времени. Владимир подал команду занять позиции и вдруг услышал несвойственный обстановке звук. Прислушавшись, он различил детский плач, доносящийся с линии огня. Вторым заряжающим номером Владимир назначил «Деда», самого старшего по возрасту красноармейца из ополчения, пополнившего его взвод. «Дед» указал рукой в сторону развалин, где на куче свежей, не запорошенной снегом щебенке лежала мертвая женщина, а сверху, на ее теле, шевелился и плакал ребенок. По всей видимости, в то время, когда женщина перебегала улицу, артиллерийский снаряд угодил в стену высотного дома, и женщина погибла, попав под град кирпичных осколков. Владимир согласно мотнул головой: «Вижу», а вслух сказал: «Патрон».

Не давая нашим бойцам ни малейшего шанса на атаку, немецкие

пулеметчики вели перекрестный огонь с двух огневых точек. Хорошо заметна черная нора, изрыгающая языки пулеметного пламени. Найдя в прицеле щель с мельтешащим красным огоньком, прицелился и плавно нажал на курок. Приклад сильно толкнул в плечо. «Патрон!» – крикнул Владимир. Первый выстрел, как его учили, был пристрелочный, после второго выстрела вражеский пулемет замолк окончательно. Но и оптический прицел после сильной отдачи вышел из строя. Прав был снайпер Шаргаев. Владимир быстро перевел ружье на другую цель – второе пулеметное гнездо. Не сразу обнаружил противника, но немец сам помог найти себя, открыв беспорядочный огонь в их сторону. Вражеские пули ложились совсем рядом. Теперь он надеялся только на свой глазомер. Выстрелы следовали один за другим: «Патрон!» – «Патрон!» – «Патрон!», и только после четвертого выстрела дуэль закончилась в его пользу. И второй немецкий пулемет замолчал навсегда. В бой вступили автоматчики, их поддержали минометным огнем соседи из бригады морской пехоты. Немцы огрызались, но как-то вяло.

Владимир перевалился через бруствер, пробежал пару метров, залег в воронке, отполз, еще раз пробежался... Вот и плачущая девочка, бережно перевязанная в куколь большим шерстяным платком, лет пяти–шести.

– Дочка, иди сюда, – поманил он её. – Скорей.

– Папа?!

Малышка оставила тело мертвой женщины и, переваливаясь, как медвежонок, подбежала к Владимиру. Он подхватил ее и... «будь что будет», не прячась, держа

девочку на руках, побежал к своей позиции. Обошлось. То ли немцы пожалели их, то ли слишком были заняты перестрелкой, но ни одна пуля не просвистела рядом с ними. Дед принял «дочку» из рук лейтенанта.

Не раздумывая, Владимир отправил ребенка вместе с Дедом в расположение взвода, а сам присоединился к автоматчикам. Справа послышалось грозное, громовое: «Ура!» Это морские пехотинцы пошли в атаку, их поддержала соседняя стрелковая рота автоматчиков. Владимир отдал команду: «Вперед! За Родину! Ура!» – и поднял свой взвод из укрытий. Не

давая немцам опомниться, забрасывая их гранатами, на ходу стреляя из автоматов, они быстро приближались к вражеским окопам. Рядом падали раненые и убитые товарищи, но это только подстегивало их быстрее добраться до врага и навсегда заставить замолчать шмайсеры и карабины.

Желание мстить не покидало, но добежав до цели и увидев немецких солдат с поднятыми вверх руками, обмороженных оборванцев, в летних шинелях и какой-то несусветной обуви, похожих на высохших стариков, – не поверили, что это и есть непобедимая германская армия.

* * *

В обжитом подвальном помещении печка-буржуйка топилась почти постоянно. Поисками подходящего топлива: остатками угля из бывшей котельной, каких-то досок, палок, веток, идущих на дрова, – занимались дети постарше. Все-го, вместе с Лялей (то ли Валея, то ли Юлей, то ли Олей), девочкой, принесенной с передовой, здесь в подвале находились семь детей разного возраста и по разным причинам не сумевших переправиться на левый берег Волги. На общем длинном дощатом столе два светильника, сделанные из гильз от пушки-сорокапятки, с фитилем из шинельного сукна, нещадно коптели, но вполне сносно освещали внутреннее убранство помещения. Вдоль стен – двухъярусные нары-лежаки с набросанными на них солдатскими ватниками и шинелями. Лавки, табуреты и даже несколько стульев из разрушенных квартир этого дома. На веревках сушилось белье и перевязочный материал. Гумба с посудой, ведра с водой и в углу, на особом счету,

закрытый арсенал с оружием.

– Ёлочки не хватает. Завтра Новый год, хорошо бы ёлочку для детей поставить. Да где же её взять?

– А давай на стене нарисуем, у нас и краска зеленая есть...

– Тоже мне, художник нашёлся – папа Карло. Ты бы еще очаг на стене нарисовал для тепла, и «буржуйку» бы не надо было топить, – ворчал Дед. – Лучше уж из веток что-нибудь похожее на ёлочку соорудить. Ты посмотри среди дров, есть что-то подходящее?

Искать не пришлось. После боя возвращались бойцы взвода Владимира Серёгина. Дед заметил, что возле левого плеча у лейтенанта, на рукаве бушлата, вырван пулей клочок ткани и это место окрасилось бурым цветом спекшейся крови.

– Ранен?!

– Так, царапина. Зацепило от пулемета. Второго... Даже не понял.

– Маша! – позвал Дед санитарку. – Лейтенант ранен, надо перевязку ему сделать.

– Сейчас. Тут есть тяжелые...

– Не спеши, Маша, подожду, – и вернулся к разговору: – Потери у нас есть. Один убит, трое легко раненых, двое тяжело. Но немцев из окопов выбили. Пленных около тридцати человек в лагерь увели. Устал.

Владимир опустил на стул. Дед помог ему снять китель и обнажить раненую левую руку.

– Еще бы немного правой и...

– И как в песне поётся: «Если смерти – то мгновенной, если раны – небольшой». Ладно, Дед, я в порядке...

В это время в подвал явился весь в снегу, с настоящей ёлочкой на плече, точно сказочный Дед Мороз, младший брат лейтенанта Серёгина сержант Сергей Серёгин.

– С Новым годом! С наступающим!

– Да уж, наотступались уже, хватит.

– Серёга, ты где такую красавицу отыскал?

– В блиндаже командирском, у немцев. Трофеей взял. Вся ёлка фотографиями была увешана: киндерами да фрау. Особист зачем-то все фотки себе забрал.

– Это они Рождество своё так отмечали, – пояснил Дед.

– Что за Рождество?

– Церковный праздник. Католический.

– Ну и ладно. А мы с нашей, освобожденной из плена русской ёлочкой свой праздник отметим. Встретим новый 1943 год!

– Не похожа она на нашу русскую ёлочку, слишком уж правильная. Скорее всего, Гитлер окруженцам для поднятия боевого духа немецкие ёлочки из Германии прислал.

– Значит, трофейная, ещё лучше.

Ёлочка была не больше человеческого роста. Зелёные веточки у неё расходились от центра ствола, как у снежинки, звездочкой по пять веточек. А верхинка у ёлочки вытянулась, будто прося тоже нарядить её сверху звездой.

– Ну, что, ребятишки, будем украшать ёлочку?

Соорудили треногу, установили лесную красавицу. Детишки собрались вокруг ёлочки и стали думать-гадать, чем её нарядить.

– Дед, а у нас и игрушек нет.

– Какой я вам, ребятишки, «Дед»? Меня Анатолием Афанасьевичем зовут, а для вас дядя Толя.

Бойцы и до этого помогали, как могли, а тут вдруг один из автоматчиков предложил:

– У нас для вашей ёлочки гирлянды найдутся. Вот! – и он аккуратно, для равновесия, повесил с двух сторон на ёлочку две порожние пулеметные ленты, так что она сразу стала похожа на революционного матроса.

– А у меня плюшевый зайчик есть, – сказала девочка и протянула свою драгоценную игрушку. – Пусть он под ёлочкой будет стоять.

Потертый плюшевый зайчик вместе с пулеметными лентами праздничного наряда ёлке не добавили, но натолкнули свободных от дел красноармейцев заняться прикладным творчеством. За общим столом закипела работа: дети вырезали большими ножницами снежинки из старых довоенных газет, двое бойцов мастерили из проволоки и дощечек звезду, откуда-то нашли красную ленту и обтянули ею каркас звезды – получилось красиво.

– Дядя Володя, а у немцев в Германии тоже звезды в небе светятся?

Рисунок автора

– Да, а почему ты спрашиваешь?

– Я думала, у них везде кресты висят и в небе тоже...

Закрепили красную звезду на вершинку ёлки.

– У них тоже звезды, но таких, как у нас, у них звезд нет. Наши звезды светят днем и ночью в самом лучшем городе на свете.

– Я знаю, в Москве, на Кремлевских башнях.

– А вы, братья Серёгины, часом не из Москвы будете? – спросил Анатолий Афанасьевич.

– Из Москвы.

– Наверно, и на Кремлевской ёлке бывали?

– Нет, на Кремлевской не бывали. Но зато бывали на другой ёлке, в лесу, возле Синих гор.

– Расскажите. Расскажите, дядя Володя, расскажите, дядя Сережа!

– Ну что ж, давай расскажем. Слушайте. Отец наш работал геологом далеко-далеко, на севере Сибири. В отпуск его не отпускали, у него еще было много работы, и он позвал нас вместе с мамой в гости к себе в Сибирь.

– Мама еще сказала нам, – вставил Сергей, – «Чудак человек ваш отец – в гости зовет. Будто бы это сел на трамвай и поехал. Туда ехать на поезде тысячу и еще тысячу километров, а потом в санях, лошаадьми, через тайгу. А вдруг там волки, медведи». Ну а нам с Вовчиком было все равно, ничего не страшно.

Обычай делиться воспоминаниями о довоенной жизни был необходим солдатам, как глоток свежего воздуха, как способ отвлечься, забыться от пережитого боя. Когда кто-нибудь что-то начинал рассказывать о прошлой мирной жизни, его слушали, старались не

мешать, не шуметь и не перебивать рассказчика.

– И вот мама собрала нас в дорогу, запаковала багаж и уехала на вокзал покупать билеты на поезд. В это время принесли телеграмму для мамы. Я телеграмму до прихода мамы спрятал в жестяную коробку, где хранил всякие нужные вещи. А тут у нас с братом случилась ссора. И эту мою коробочку Сергейка выкинул через открытую форточку на улицу. А в ней телеграмма! Мы долго искали коробочку в сугробе около дома, но так и не нашли. Решили маме про телеграмму ничего не говорить. Вот если она спросит: «Где телеграмма?» – тогда скажем, а если не спросит, зачем нам самим высываться? Так и уехали из Москвы в Сибирь. Про то, как в поезде двое суток ехали, что видели и что делали, – отдельная история.

Наконец поезд остановился возле маленькой станции. Только мы успели вещи от проводника принять, как поезд умчался. И никто-то нас не встречал. Отца на платформе не было. Мама рассердилась, оставила нас вещи караулить, а сама пошла узнавать – кому

нас отец поручил везти в санях еще целых сто километров тайгой. Мама вернулась расстроенная: «Наверно, отец мою телеграмму о нашем приезде не получил». Договорились с ямщиком. «То-то ваш отец удивится и обрадуется, когда нас увидит. Он ведь не знает, что мы уже приехали», – сказала мама, а мы ее поддержали: «Да, да обрадуется и удивится!» Уложили в широкие сани багаж, взбили сено, укутались одеялами и тулупами и поехали через дремучую тайгу.

– А дальше я буду рассказывать, – перебил брата Сергей, – можете мне верить или не верить – ваше право. Дорога долгая, трудная, за один день все равно бы нам не доехать, да и кони устали. Остановились заночевать на станции. В маленькой избушке, занесенной снегом. Разогрели замерзшую колбасу, попили чаю, поели и спать легли. А мне посреди ночи захотелось пить, и я проснулся, надел валенки, глотнул воды из чайника и сел перед окном высматривать медведя, но это был не медведь, а наша лошадь. Я забрался обратно на кровать под тулуп и уснул. И мне приснился странный сон:

Как будто страшный Турворон
Плюет слюной, как кипятком,
Грозит железным кулаком!
Кругом пожар! В снегу следы!
Идут солдатские ряды
И волокут из дальних мест
Кривой фашистский флаг и крест.

– Это же как про нас, про Сталинград! – удивились бойцы. – А еще говорят, что снов вещей не бывает! И сколько тебе лет тогда было?

– Мне тогда... – Сергей, загибая пальцы, быстро подсчитал, – девять лет. Ой, нет, на два года

старше, – сбился он со счета из-за того, что в военкомате приписал себе два лишних года – лишь бы попасть на фронт. Об этом знал только его старший брат Владимир. – Тот сон я хорошо запомнил.

– А вечером следующего дня, – вернулся к рассказу Владимир,

– мы приехали на базу геологов. В трех домиках не валит дым из трубы, не лаяли собаки, хоть назад возвращайся. Но в одной избе-сторожке печка была теплая. «Сторож к ночи вернется, – успокоил нас ямщик. – Видать, ушел на охоту». Тут мы и остались, и, правда, уже ночью вернулся с охоты сторож, а с ним большая лохматая собака. Он-то нас и вывел на чистую воду. «Вы, – говорит, – зачем, скажите, приехали? Вам же приезжать было не велено. Я сам от начальника Серёгина на станцию телеграмму возил, где ясно написано: «Задержись выездом две недели. Наша партия срочно уходит в тайгу». Что же теперь оставалось нам делать? Пришлось хозяйничать в избе, колоть дрова, топить печь, носить воду, готовить еду. Сторож утром встал на лыжи, захватил ружье, собаку и ушёл в лес. Вернулся он через четыре дня: оказалось, что сторож ездил к геологам и обрадовал нас, что наш отец вернётся как раз к Новому году. Мы перебрались в комнату, где жил отец, и решили готовить новогоднюю ёлку. Из чего только не выдумывали мастерить игрушки! Из лоскутков и ваты понашивали кукол и зверьков, из папиросной бумаги наворачтели пышных цветов, из цветных журналов вырезали картинки для гирлянды из флажков. Сторож принес серебряную бумагу от заправки чая и большой кусок воска, и мы наделали праздничных свечей.

– Вот со свечами-то мы промахнулись... – раздосадовано пожалел один из бойцов «игрушечной мастерской».

– Хоть свечи и были неуклюжими и неровными, но горели так же ярко, как и настоящие покупные. Серебряной бумагой мы

обернули ёлочные шишки. Такой ёлки, конечно, в Москве ни у кого не было – это была настоящая таёжная красавица, высокая, густая, прямая, не чета немецкой. И вот наступил канун Нового года. Мы с братом с утра торчали на морозе, ожидая, что вот-вот появится из леса отец и его товарищи. Сторож отправил нас домой, сказав, что партия вернется только к обеду. И в самом деле, только мы сели за стол, как он постучал в окно, вызывая нас из дома: «Теперь смотрите, сейчас они покажутся на скате горы». Так оно и вышло, сначала на перевале появились собачьи упряжки с санями, от них не отставали лыжники, они промелькнули по скату и исчезли в лесу, а через полчаса выкатили на опушку.

Вечером все дружно встречали Новый год. Погасили лампу, зажгли свечи, один из геологов заиграл на баяне, устроили танцы. Потом попросили Сергеюку спеть песню. Пел он хорошо, всем понравилось.

– И наконец, взглянув на часы, наш отец сказал: «Сейчас начнется самое главное». Он включил радиоприемник. Откуда-то издалека, сквозь шум и гул, донесся мелодичный звон. Это в далекой-далекой Москве на Спасской башне звонили кремлевские часы. И тогда все встали, поздравили друг друга с наступившим Новым годом и пожелали всем счастья.

Дети неотрывно, во все глаза, глядели на лейтенанта Владимира Серёгина и, затаив дыхание, слушали счастливую довоенную историю встречи Нового года посреди тайги.

– Завтра мы тоже все вместе будем слушать бой курантов на Спасской башне, – обрадовал детей дядя Толя.

А тем временем трофейную ёлочку полностью украсили. На ней висело несколько самолетиков, сделанных из деревяшек. Среди них можно было узнать биплан «У-2» – «швейную машинку» с двумя крыльями. На таких самолетах летали по ночам наши летчицы бомбить немецкие позиции, и за это немцы прозвали их «ночными ведьмами». Дети узнали по вырезанному профилю и «Летающий танк» – Ил-2, и истребитель «Лавочку» – Ла-5.

Какой-то умелец умудрился сшить куклу с ногами, руками и большой головой. На кукольной голове были нарисованы волосы, с характерной прической «воронье

крыло», черные усики-сопливчики и круглые выпученные глаза. «Гитлера» подвесили на ёлку за одну ногу вниз головой.

Нашлась и мишура из шёлка парашютных строп, даже откуда-то взялись уцелевшие настоящие новогодние стеклянные шарики. На ёлочных ветках, как хлопья снега, лежали кусочки ваты, и плюшевый зайчик стоял под ёлочкой наполовину в «снегу».

– И вот она нарядная

На праздник к нам пришла

И много, много радости де-тишкам принесла,

И много, много радости де-тишкам принесла... – пропел Сергей Серегин.

* * *

На следующий день, 31 декабря, в подвале гулким эхом раздавалась череда взрывов.

– Это наши, из саперного батальона, уничтожают немецкие блиндажи и укрепления, чтобы неповадно им было вернуться на свои позиции. «Чужой земли мы не хотим ни пяди, но и своей – вершка не отдадим», – процитировал Владимир слова из «Марша танкистов». – Пусть теперь мерзлую землю хоть зубами грызут для своих «зимних квартир».

Взрывы смолкли, и наступила непривычная тишина. Не слышно ни разрывов бомб, ни реактивного воя «Катюш», ни залпов артиллерии, ни трескотни крупнокалиберных пулеметов, ни одиночных выстрелов, ни минных хлопков – война взяла один день передышки для встречи Нового 1943 года.

Свободные от нарядов красноармейцы в минуты отдыха, занимались привычными солдатскими делами. Кто-то проверял своё оружие, кто-то пил чай, кто-то писал письма на родину, складывая ис-

писанные странички в треугольнички и вместе с адресом приписывая прибаутку: «лети листок с запада на восток, лети с приветом, вернись с ответом». Кто-то брился, стригся, умывался, кто-то чинил прохудившийся ватник, ремонтировал часы-ходики, мастерил зажигалки, мундштуки, рукоятки для ножей.

За общим столом собрались к девятнадцати часам. Полевая кухня где-то застряла, но женщины, санитарки и оставшиеся с детьми матери, сумели из скудного запаса продуктов приготовить подобие праздничного ужина. На столе печеная картошка и жареная «контуженная» мороженая рыба из Волги. В жестяных кружках «наркомовские» сто граммов. А тут и кухня подоспела с горячим супом и праздничной гречневой кашей с американской тушёнкой.

– Где стол был полон яств! – восторженно произнес кто-то, глядя на предстоящее пиршество.

– Не порти праздник! – осадил молоденького солдата Дед.

– А чо? Чего я такого сказал?

– Если не знаешь других строчек, тогда уж лучше помолчи.

– А чо?

– «Где стол был яств, там гроб стоит...» – закончил предложение Сергей Серегин.

– Эх, хороша на столе закуска! – вернул предпраздничное настроение веселый солдатик. – Разрушать такой натюрморт рука не поднимается, но и хлебать остывший супчик тоже не хочется.

Все его поддержали, и оловянные ложки дружно забрякали по алюминиевым котелкам. В эту минуту в подвал зашел командир, подполковник Новиков, и комиссар, капитан Петров. Они прибыли в часть вместе с полевой кухней, но задержались, осматривая взрытые саперами вражеские укрепления.

Красноармейцы шумно повскакали с мест, приветствуя старших офицеров.

– Садитесь, товарищи бойцы, продолжайте.

Увидев ёлочку, подполковник искренне удивился:

– Ого! Вот это да! Такую ёлочку я только у командующего видел, но её специально с Большой земли самолетом доставили. Молодцы! Герои! Полюбовались мы с Петровым на вашу работу. Славно потрудились! А на тебя, лейтенант, наградной лист буду готовить за уничтожение двух пулеметных гнезд противника.

– Служу Советскому Союзу! Присаживайтесь, товарищи командиры, к нашему столу.

– Можно и присесть. Ну что, товарищи красноармейцы, с каким настроением провожаем сорок второй год?

– С хорошим...

– То-то и оно. Сегодня командующий Сталинградским фронтом, генерал-полковник Андрей

Иванович Еременко, в боевом донесении Верховному главнокомандующему так написал: «...Фашисты свернули себе шею под Сталинградом, они потерпели здесь стратегическое поражение». Бьём немца и в хвост и в гриву. Где у вас радист? Сейчас как раз время сводки Совинформбюро. Есть у вас радиостанция?

– Есть, товарищ командир, – радист включил рацию. Покрутил ручки настройки в поисках нужной волны. – Вот: «В течение 31 декабря наши войска в районе Сталинграда, на Центральном фронте и в районе среднего Дона продолжали вести наступательные бои на прежних направлениях...»

Сводка была долгой, и хоть все её слушали внимательно, но солдаты потихоньку продолжали доедать свой суп. Выслушав сообщение, заговорил капитан Петров:

– Вот тебя, боец, как зовут? – обратился он к высокому, крепкому красноармейцу, тщательно протиравшему ложку после съеденного супа.

– Ефрейтор Оноприенко.

– Хохол?

– Никак нет, украинец!

– Ну если украинец, то это почти что русский, – рассмеялся комиссар. – Молодец, за словом в карман не полезешь. А есть среди вас белорусы?

– Так точно. Есть двое: рядовой Лукашевич и младший сержант Коваленок.

– А казахи?

– Есть. Есть и узбек, и татарин, и грузин...

– Так вот что я хочу сказать: русский человек, будь он хоть белорус, украинец, грузин, казах или узбек, приноровится жить даже в аду, даже если ад этот творится уже сто тридцать два дня; и если

русский человек – это человек советский. За Волгой земли нет. Здесь мы стояли и стоять будем насмерть! – закончил он знаменитыми словами.

Красноармейцы дружно поддерживали тост комиссара. Напоследок подполковник Новиков передал приказ Владимиру Серегину о передислокации его бойцов на самый ответственный участок обороны Сталинграда – в район Центрального Универмага.

– А вас, товарищи женщины, вместе с детьми в ближайшие день-два переправим на левый берег. Хватит вам по подвалам таиться. Здесь скоро такое начнется, что мало никому не покажется.

– Мы всякого уже насмотрелись, – возразила одна из женщин. – Начиная с бомбежки двадцать

третьего августа... Видели, и как паромы с женщинами и детьми немцы в Волге топили.

– Ну, сейчас не то время, не те у них силы. Готовьтесь к переправе на левый берег и ничего не опасайтесь. Да и Волга уже крепко встала...

После отъезда старших офицеров все оживилось, вернулось приподнятое праздничное настроение. Дети спели хором «В лесу родилась ёлочка...», за что от Деда Мороза получили в подарок плитки трофейного немецкого французского шоколада.

Всех поразил своей профессиональной музыкальностью, чистотой и искренностью звучания голос Сергея Серегина, похожий на лемешевский тембр, задушевно исполнившего всеми любимую песню.

Бьется в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза.
И поет мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза.

Про тебя мне шептали кусты
В белоснежных полях под Москвой.
Я хочу, чтобы слышала ты,
Как тоскует мой голос живой.

Ты сейчас далеко, далеко,
Между нами снега и снега...
До тебя мне дойти нелегко,
А до смерти – четыре шага.

Пой, гармоника, вьюге назло,
Заплутавшее счастье зови.
Мне в холодной землянке тепло
От моей негасимой любви.

Как и обещали детям, так и случилось. Ровно в двенадцать часов они услышали по радиостанции, как в далекой-далекой Москве на Спасской башне звонили кремлевские часы. И тогда все встали, поздравили друг друга с наступившим Новым 1943 годом и пожелали всем скорейшей Победы и обя-

зательно живыми вернуться домой.

– Этот Новый год мы запомним на всю оставшуюся жизнь. И если повезет, будем рассказывать о нем нашим внукам.

Последние слова тонули в громовых залпах тысяч орудий, пулеметных очередях и стрельбе из стрелкового оружия наших

дивизий, бригад и корпусов, салютовавших наступившему, переломному, очередному году войны.

Через два часа немцы тоже встречали Новый 1943 год, но уже

по своему, берлинскому времени, и ознаменовали его только слабыми залпами осветительных ракет. Боеприпасы приходилось беречь.

* * *

Анатолий Афанасьевич после предновогоднего боя в окопах, где он был вторым заряжающим номером противотанкового ружья, стал как-то особенно бережно, потечески, относиться к лейтенанту Серегину. Казалось, Владимир не замечал этого, а может, не придавал особого значения заботе о нем со стороны старшего по возрасту ополченца. Утром Дед поздравил его с наступившим праздником.

– С каким еще праздником? Новый год уже давно отметили.

– С Рождеством, товарищ лейтенант!

– Так и его вроде тоже...

– Нет, то было не наше Рождество – немецкое. А наше православное – сегодня, 7 января.

Ближе к полудню к ним на передовую на «лихом скакуне» – стареньком «Виллисе», прибыли генерал-майор из штаба фронта и офицеры армейской разведки и разведки НКВД. Обычно подобный визит на передовую не сулил ничего хорошего. «Виллис» остановился в расположении взвода Серёгина. Бойцы приумолкли и лишний раз старались не попадаться на глаза неожиданным гостям.

– Лейтенант! – окликнули разведчики командира взвода.

Владимир остановился и, отдав честь, поздоровался:

– Здравия желаю, товарищ генерал-майор, здравия желаю, товарищи офицеры.

– Здравствуй, лейтенант. Армейская разведка – Александр Смыслов, – отдав честь, представился майор. – Скажи-ка нам, где тут у вас начальство окопалось?

Далеко ли до дивизионного командного пункта?

– Тут не очень далеко, километра полтора по прямой. Но если на машине, то все пять километров будет.

– Пойдем пешком! – вылезая из машины, заявил генерал-майор. – Всю душу на колдобинах и ухабах вытрясли. Пойдем пешком, показывай, лейтенант, дорогу.

Вдоль навалов и накатов, по траншее и утрамбованным окопным ходам Владимир вел разведчиков к утепленным дверям дивизионного командного блиндажа. Не пройдя и половины пути, вдруг он подал сигнал остановиться.

– Здесь открытый участок, немецкие снайперы могут работать. Вы сейчас бегите вот до тех развалин, а потом уж и я.

– То есть ты нас, лейтенант, посылаешь пробежать опасное место первыми, потому что немцы не успевают открыть огонь по первому бегущему. А себя не жаль?

– Моя жизнь не так важна, как ваша...

– Ну как знаешь.

Старшие офицеры быстро преодолели опасный участок. За ними пробежал через открытое место и Владимир Серегин. Снайпера с немецкой стороны, по-видимому, не было, но, как говорится: «Бережного Бог бережет».

Чаще стали встречаться красноармейцы, их становилось все больше и больше, появились орудия и даже в отдалении заметны были машины БМ-13, «Катюши», становилось понятно, что именно здесь сосредоточен основной кулак.

– Вот он, командный блиндаж.

– Ну, спасибо тебе, лейтенант, – майор крепко пожал ему руку. – В разведку пойдешь?

Александр Смыслов отметил в молодом лейтенанте те качества, которые нужны настоящему армейскому разведчику.

– Товарищ майор, у меня свой стрелковый взвод. Но, если прикажут, пойду.

– Ну, ладно, бывай! Иди к своим стрелкам...

Каково же было удивление Владимира, когда примерно через полчаса его нашли и потребовали вернуться в блиндаж. Неужели все-таки в разведку? Нет. Командир стрелкового соединения сказал ему совсем другое.

– Серёгин, кажется, где-то здесь служит твой брат?

– Так точно, сержант Сергей Серёгин – мой младший брат.

– Слышал, что он у тебя музыкант?

– Никак нет. Поет хорошо.

– Значит, есть музыкальный слух. Как ты думаешь, сможет он сыграть на трубе сигнал: «Внимание, внимание! Слушают все!»

– Да. Это для него совсем не трудно. В школе он горнистом был.

– Ну, вот и хорошо. Тут вот какое дело, Владимир: майору Александру Смыслову и капитану Дятленко поручено доставить немцам пакет с текстом ультиматума и передать его командующему 6-й армии генерал-полковнику Паулюсу. Одну попытку они уже делали, но, когда до немецких позиций оставалось не больше ста метров, немцы вдруг открыли огонь.

– Немцы огонь вели не на поражение, – пояснил генерал-майор. – Они же видели, что к ним идут парламентареры. Все-таки вынудили наших разведчиков повернуть назад.

– Ничего, скоро они сами будут умолять дать им ознакомиться с нашим ультиматумом.

– Это уже не секрет, – генерал-майор рассказывал так, как будто всем давным-давно все было известно. – После нашей неудачной попытки текст ультиматума на листовках разбросали над немецкими позициями с самолетов, а потом еще транслировали по радио на всех частотах. Им дан срок до десятого января, а дальше пусть пеняют на себя. Но нам все-таки поручено довести нашу миссию до конца: еще раз попытаться передать в руки Паулюсу пакет от Ставки Верховного командования. Так что, лейтенант, зови своего брата музыканта, через два часа выдвигаемся к немцам.

Младшего брата Владимир нашёл в карауле, согласовал замену и забрал его с собой.

– Сережка, ты не забыл, как на трубе играют войсковые сигналы? Тебе сейчас предстоит очень серьезная задача.

– А какой сигнал-то надо играть?

– «Внимание, внимание! Слушают все!».

– Так это же самый обычный сигнал, конечно, сыграю.

– Его не просто сыграть надо... Сейчас придем к командиру дивизии, там все расскажут, – помолчав немного, добавил: – Кстати, с праздником тебя!

– Та, та, та, ти, та. Та, та, та, ти, та. Ти, та, та, – вспоминая сигнал, Сергей голосом пропел, не обратив внимания на поздравление.

Охрана не пропустила братьев в блиндаж.

– Завтракают.

– Ладно, подождем. Доложите хотя бы о нашем прибытии.

После доклада братьев немедленно пропустили в блиндаж. За

столом завтракали парламентареры-разведчики и сопровождающий их генерал-майор.

– Присаживайтесь, – не дослушав рапорт «... по вашему приказанию прибыли», пригласил генерал-майор. – Дело предстоит непростое, особо важное, и на пустой желудок такие дела не делаются. Ну, а мы уже поели – начнем готовиться.

Серегины не были голодны, но отказаться от такой аппетитной горки макарон по-флотски было выше их сил. Владимир и Сергей ели и молча наблюдали за приготовлениями парламентареров.

– Чтобы произвести впечатление на немцев, надо бы вашу старую форму на новую заменить, – размышлял генерал-майор. – Штабной интендант в тот раз её у генеральских адъютантов для вас позаимствовал, а вы что с ней сделали? Извозюкали в грязном снегу, теперь уж с вами вряд ли кто своей «парадкой» поделится.

– Интересно было бы посмотреть на этих адъютантов, когда в их сторону немцы стрелять бы начали. Да и форма-то, если честно сказать, была дрянь. В ней у нас зуб на зуб не попадал. Давайте так сделаем. Мы пойдем к ним в маскхалатах, а что под ними – новая или старая форма – не видно.

– А я вам новенькие маскхалаты выдам, – добавил командир дивизии.

И вдруг майор Александр Смыслов взмахнул рукой и схватился за голову.

– А флаг-то! Флаг-то белый мы интенданту штаба фронта тоже сдали!

– Что ж, придется мне своей простыней пожертвовать, – усмехнувшись, снова вышел из положения командир дивизии.

Владимир и Сергей поели и

тоже занялись подготовкой к выполнению задания. Нашлось подходящее древко для белого флага, оторвали часть командирской простыни и, сметав суровой ниткой по краю сгиба ткани, вставили материал в флашток. Принесли и маскхалаты. Все было готово к выполнению ответственной миссии.

К передовой парламентареров отвез все тот же штабной «Виллис», дальше они должны были передвигаться пешком. Владимир вызвался провести отряд через минные поля. Обошлось. Перед тем, как их отряд должен был вылезти из окопов, все натянули на себя маскхалаты. Владимир обнял Сергея и сказал:

– Гек. Береги себя, не лезь на рожон, будь внимателен и осторожен.

Группа парламентареров двинулась через заснеженные поля в сторону немцев. Владимир не удержался и ещё раз крикнул им вслед.

– Гек! – Сергей оглянулся, брата помахали друг другу руками.

– Все будет нормально!

Сергей высоко поднял белый флаг, группа, промяная глубокие следы в снегу, медленно шла в сторону немецких окопов. Александр Смыслов, чтобы разрядить нервное напряжение первых шагов, спросил:

– А что это тебя как-то странно лейтенант назвал?

– Это у нас семейное, с детства. Он – Чук, а я – Гек. Отец для краткости сократил имена Вовчука – в Чука, а меня, Сергейку – в Гека.

– Наверно, в детстве вы хорошими баловниками были?

– Да уж, не пайньки, – и посчитав, что уже пора, приложил трубу к губам.

Что было мочи он заиграл: «Внимание, внимание! Слушают

все!» За двадцать метров до немецких позиций они остановились, Сергей продолжал дуть в трубу и размахивать белым флагом.

– Что вам надо? – окликнули их из немецких позиций.

Разведчик НКВД, капитан Дятленко, единственный в их группе свободно разговаривающий на немецком языке, ответил:

– Мы парламентареры! Нас послало командование Красной Армии! У нас письмо для вашего главнокомандующего. Требуем принять нас в соответствии с установленными нормами международного права.

Свою задачу Сергей выполнил, теперь ему досталось быть молчаливым свидетелем того, как творят историю парламентареры Дятленко и Смыслов.

Из окопов показалось несколько голов в касках и направленные на парламентареров дула автоматов.

– Идите сюда! – рявкнул какой-то солдат.

– Нет! Мы не сдвинемся с места, пока с нами не переговорит кто-то из старших офицеров!

Тишина. Напряженная тишина. Немцы совещались. Несколько минут томительного ожидания. Наконец унтер-офицер отправился за командиром, и, как только он ушёл, солдаты вылезли из окопов, стали кричать и дурачиться.

– Рус, Иван! Иди сюда.

А один коротышка ефрейтор вообще вскочил на бруствер и, тыча себя пальцем в грудь, повторял.

– Я офицер, я офицер...

– Вижу, какой ты офицер, – крикнул ему капитан Дятленко.

Фрицы рассмеялись и, ухватив коротышку, стянули его вниз. Смыслов и Дятленко тоже нервно засмеялись. Унтер-офицер возвратился в сопровождении трех

старших офицеров. Старший по званию, гауптман, спросил:

– Зачем вы прибыли в расположение наших частей?

Дятленко повторил:

– У нас письмо для вашего главнокомандующего от Верховного командования Красной Армии.

– Неужели предложение о капитуляции?

– Мне содержание письма знать не положено. Будет ли нам гарантирована личная безопасность, как того требуют правила о парламентарерах?

– Да. Не беспокойтесь, никто вам не причинит зла.

Они все еще стояли возле немецких окопов, так как гауптман еще не дал команды пропустить русских. Немцы спорили: нужно ли с парламентареров снимать маскхалаты, нужно ли завязывать им глаза? В итоге решили: глаза завязать, маскхалаты оставить. Черные повязки на глаза были заблаговременно заготовлены, и наконец, вслепую, с помощью тех же немецких офицеров, ведущих их под руки, они прошли в оборонительные окопы и траншеи противника. Капитану Дятленко помогали идти обер-лейтенант и, пока они медленно и осторожно продвигались куда-то вниз, обер-лейтенант завел разговор, скорее всего для того, чтобы самому выговориться с русским офицером.

– На свою голову мы научили вас, русских, воевать. Сначала мы брали раз за разом в кольцо, а теперь вот сами попали в котёл. Но в чем вы нас превзошли, так это в пропаганде. Многие не скрывают слез, рассматривая на листовках мертвого солдата и плачущего над ним ребёнка. Вы, конечно, не скажете, кто написал эти стихи: «Подумай о своём ребенке», что

на обороте листовки, но передайте ему, что его стихи берут за душу.

– Сколько вам лет? – спросил Дятленко.

– Двадцать четыре.

– Мы с вами почти ровесники. Война между нашими народами безумие и фатальная ошибка.

– Когда-нибудь она кончится, – обречённо ответил обер-лейтенант.

– Хорошо бы нам с вами встретиться после войны и побеседовать о мирных делах.

– Боюсь, я до этого дня не доживу. У меня не осталось иллюзий по этому поводу. Скорее всего, я через месяц – другой умру.

Вскоре им позволили снять повязки с глаз. Невозможно было догадаться, что они окажутся в блиндаже, так как температура в помещении была точно такой же, как и вне его. Стены блиндажа обшиты досками, на них все еще висели рождественские цветные открытки с ангелочками и самодельными украшениями. Так звериная жестокость по отношению к одним людям компенсировалась слезливым сентиментализмом по отношению к самим себе. В углу стояли мешки с почерневшим зерном из сожженного Сталинградского элеватора. «Добывают из-под снега, – подумал Сергей, – жрать, гадам, нечего. Так им и надо».

– Кто уполномочил вас вести переговоры? – спросил оберст.

– Ставка Верховного главнокомандования Красной Армии.

– Сталин?!

Дятленко промолчал. Полковник криво усмехнулся и, не спрашивая более ни о чем, вышел из блиндажа, не предупредив, куда и зачем он пошёл.

– Ушёл в штаб, – пояснил обер-лейтенант.

Для создания миролюбивой, дружеской атмосферы май-

ор Смыслов вынул из кармана пачку «генеральских» папирос «Люкс», выданных интендантом штаба фронта специально, чтобы произвести впечатление на немцев. Распечатал и с достоинством предложил офицерам. Гауптман, с удовольствием попыхивая папиросным дымом, завел разговор с свободно говорящим на немецком языке Дятленко.

– Вот вы, русские, говорите – немцы, немцы, а посмотрите, кто с вами воюет? Все страны Европы объединились против вас. Даже ваши братья-славяне, и те добросовестно служат в германской армии. Болгары, венгры, чехословаки...

– И румыны, – вставил Дятленко, напомнив о недавнем разгроме румынских и итальянских дивизий под Сталинградом.

Хотелось еще добавить, что скоро и они будут кричать: «Гитлер капут!», как кричали румыны: «Капут Антонеско!», но не стал. Неуместно было в их положении злить немцев, все было и так понятно без лишних слов. Но все же не удержался от сравнения с наполеоновским нашествием на Россию Великой армии и приготовленных для них «зимних квартирах» в Москве. Обер-лейтенант перевел тему разговора на особенности празднования Нового года и Рождества у русских и у немцев. Затем заговорили о стрелковом оружии. Немцам очень понравился пистолет Токарева. Так как парламентарам не полагалось иметь при себе оружие, то им пришлось сдать пистолеты. Полковник все не возвращался, беседа застопорилась, и вдруг в воцарившейся тишине раздался грохот артиллерийской канонады. Обер-лейтенант выскочил наружу, чтобы выяснить, кто стреляет.

– Это ваши, – сказал обер-лейтенант с укором, – ваши зенитчики по нашим транспортникам палят.

В напряжённой тишине ждали возвращения полковника. Он все не приходил. Время шло... Наконец, открылась дверь, и он появился. Полковник выглядел как «побитая собака», он виновато смотрел и на русских, и на своих офицеров.

– Мне приказано вновь завязать глаза парламентарам и ответить их на передовую. Там вы получите свои пистолеты. Гарантирую личную безопасность. А пакет оставьте при себе. Я принять его от вас не имею права.

– Как же так! – возмутился Дятленко, – пакет мне приказано вручить лично в руки генерал-полковнику Паулюсу, но если он не в состоянии его сейчас принять, я могу передать пакет кому-нибудь из генералов. Только с распиской, что они вручат его Паулюсу.

– Нет. Я ничем не смогу вам

помочь. И никто из вышестоящих офицеров не будет брать на себя такую ответственность.

– Тогда, – не унимался Дятленко, – я прошу лично вас прямо на пакете написать, что в соответствии с приказом высшего командования вы отказываетесь принять данный документ, который предназначен для командующего 6-й армии.

– Нет. Я даже притрагиваться к вашему документу не буду. Мы с вами люди военные, и не нам обсуждать приказы вышестоящих командиров.

– Жаль. Но вы должны понимать, что отказ от нашего предложения обернётся многими бессмысленными жертвами среди солдат.

– Да. Я понимаю... – обреченно ответил полковник.

* * *

На передовой парламентарам развязали глаза и вернули пистолеты. Русские и немецкие офицеры отдали честь друг другу, а затем под белым флагом, громко играя сигнал «Внимание, внимание! Слушают все!», по своим же следам в снегу, они вернулись в

окопы, где все это время их дождался лейтенант Владимир Серегин.

– С возвращением, братишка! – они обнялись, – С Рождеством тебя, с праздником, с русским Рождеством.

ПРИМЕЧАНИЕ

В ходе наступления с 10 января по 2 февраля 1943 года было взято в плен свыше 91 тысячи человек, около 140 тысяч уничтожено.

Во время Сталинградской наступательной операции были разгромлены немецкие 6-я армия и 4-я танковая армия, 3-я и 4-я румынские армии, 8-я итальянская армия. Общие потери противника составили около 1,5 миллиона человек. В Германии впервые за годы войны был объявлен национальный траур.

Командир диверсионно-разведывательной группы, капитан Владимир Серегин, в боях за освобождение Киева получил в бою тяжелое осколочное ранение и после лечения в госпитале в январе 1944 года был комиссован из Красной Армии.

Гвардии старшина Сергей Серегин со своим полком дошёл до Берлина и 4 мая 1945 года, в три часа ночи, встречал Победу, вместе со всеми салютуя в небо автоматными очередями.